

Ночь была глубокой, и резиденция генерала погрузилась в тишину.

Чэн Шаошан на цыпочках шла по коридору, неся на подносе миску с дымящимся успокаивающим отваром. Она специально научилась готовить его у нянюшки Лю, ведь, как говорили, он помогает унять тревогу и бессонницу после возвращения с полей сражений. При мысли о темных кругах под глазами Лу Ци, которые она видела днем, сердце девушки сжалось.

— Сестрица, должно быть, ужасно устала... — прошептала она сама себе.

Остановившись перед дверью в покои Лу Ци, она уже собралась постучать, но вдруг услышала изнутри сдавленный стон. Звук был едва уловим, но вонзился в сердце Чэн Шаошан, словно игла. Она никогда не слышала, чтобы Лу Ци издавала подобные звуки — в её представлении сестрица всегда была сильной, почти всемогущей.

— Сестрица? — она осторожно приоткрыла дверь. — Я принесла тебе успокаивающий отвар...

Слова замерли на устах.

В мерцающем свете свечи Лу Ци сидела на краю кровати, повернувшись спиной к двери. Её верхняя одежда была спущена до пояса, обнажая спину, обмотанную бинтами. Белоснежная ткань местами пропиталась кровью. Лу Ци с трудом пыталась развязать узел, но, услышав шум, резко обернулась. На её лице застыло выражение боли, которое она не успела скрыть.

— Шаошан?

Чэн Шаошан замерла на месте. Поднос с грохотом упал на пол, миска разлетелась вдребезги. Она широко открытыми глазами смотрела на окровавленные бинты на спине Лу Ци, и горло её словно перехватило — она не могла вымолвить ни слова.

— Ничего страшного, это пустяковая рана... — Лу Ци поспешно потянула одежду на себя, но неосторожное движение заставило её поморщиться.

Этот жест стал последней каплей — слезы градом покатались из глаз Чэн Шаошан. Она бросилась вперед и, не слушая возражений, крепко схватила Лу Ци за руки:

— Не двигайся!

Её голос, срывающийся на плач, звучал резко и требовательно. Лу Ци опешила. Она никогда не видела Чэн Шаошан такой — у девушки покраснели глаза, слезы блестели в свете свечей, а нижняя губа была закушена так, словно ей причинили невыносимую обиду.

— Дай мне посмотреть... — Чэн Шаошан дрожащими пальцами потянулась к бинтам, но в

последний момент замерла, боясь сделать больно. — Тебе... тебе очень больно?

Этот вопрос, пропитанный слезами, заставил твердое, как сталь, сердце Лу Ци внезапно смягчиться. Она тихо вздохнула и разжала пальцы, сжимавшие край одежды:

— Не больно, правда.

Чэн Шаошан не поверила ни единому слову. Она обошла Лу Ци, осторожно разматывая бинты, прилипшие к ране из-за крови. По мере того как ткань отходила, открывался жуткий след от стрелы. Рана под правой лопаткой уже начала затягиваться, но кожа вокруг воспалилась и покраснела — было ясно, что должного ухода она не получила.

— И это... это ты называешь пустяковой раной? — голос Чэн Шаошан дрожал, а кончики пальцев зависли над раной, не решаясь коснуться её. — Сестрица, ты меня обманываешь...

Лу Ци попыталась повернуться, чтобы успокоить её, но маленькие ладошки решительно удержали её на месте.

— Не двигайся! — Чэн Шаошан вытерла слезы и схватила со стола Золотую мазь от ран. — Я сама обработаю рану...

Её движения были нежными, словно прикосновение перышка, но она чувствовала, как напряжены мышцы на спине Лу Ци. С каждым мазком мази она слышала, как сбивается дыхание сестры, и слезы потекли ещё сильнее.

— Ты же говорила... что вернешься только через полмесяца... — всхлипывала Чэн Шаошан, нанося лекарство. — Почему... почему ты вернулась раньше?

Лу Ци посмотрела на разбитую миску на полу и тихо ответила:

— Получила тайное донесение от Чжан Юна, что в семье Чэн тебя обижают.

— И поэтому ты, будучи раненой... примчалась обратно среди ночи? — рука Чэн Шаошан дрогнула, порошка насыпалось слишком много. Лу Ци вздрогнула, но не издала ни звука. Сердце девушки словно ножом полоснуло. — Прости... я сделала тебе больно...

— Не больно, — Лу Ци обернулась и улыбнулась ей. — У нашей Шаошан очень легкая рука.

Эта улыбка в свете свечи казалась особенно бледной. Чэн Шаошан больше не могла сдерживаться, крупные капли слез падали на спину Лу Ци:

— Лгунья! Тебе же так больно... почему ты терпишь? Почему ничего не сказала?

Лу Ци почувствовала горячие слезы на своей спине, и её сердце дрогнуло. Она развернулась и взяла Чэн Шаошан за дрожащие руки:

— Правда, не больно. На поле боя раны бывают куда серьезнее, что значит эта царапина?

— Но ты сейчас не на поле боя! — внезапно повысила голос Чэн Шаошан. — Ты дома! Передо мной! — она рыдала, сбивчиво повторяя: — Сестрица всегда такая... всё несет на своих плечах... никогда не жалуется на боль... никогда не просит о помощи...

Лу Ци замерла. Она рано лишилась родителей и выросла в военных лагерях, давно привыкнув зализывать раны в одиночку. Столкнувшись с такой прямоотой Чэн Шаошан, она не знала, что ответить.

Чэн Шаошан вытерла лицо и снова склонилась над раной. Когда она разматывала другой бинт на поясе Лу Ци, её глазам предстал знакомый предмет — это был амулет, который она сделала своими руками. Простой красный шнурок пропитался кровью, но Лу Ци всё ещё носила его у самого сердца.

— Этот... ты всё ещё носишь его... — она едва слышно коснулась амулета.

Лу Ци опустила взгляд, уголки её губ приподнялись:

— Конечно, это же мой оберег.

— Но он совсем не уберег тебя от беды! — Чэн Шаошан вдруг разрыдалась. — Ты ранена... это я никчемная... если бы я была искуснее, сделала бы доспехи прочнее...

— Шаошан, — Лу Ци прервала её, развернула к себе и взяла в ладони заплаканное личико. — Слушай, то, что я ранена — не твоя вина. Этот амулет очень важен для меня, потому что благодаря ему я знала: кто-то ждет меня дома.

Чэн Шаошан, глядя сквозь слезы в нежный взгляд Лу Ци, на мгновение забыла, как плакать.

— Знаешь, — Лу Ци большим пальцем стерла слезы с её щек, — на поле боя, когда я чувствовала, что больше не могу, я касалась этого амулета и думала о том, что моя Шаошан всё еще ждет меня.

Эти слова разрушили последние остатки стойкости Чэн Шаошан. Она бросилась в объятия Лу Ци, стараясь не задеть раны, и разрыдалась, как ребенок:

— Сестрица... больше никогда так не делай... если больно — говори... если ранена — кричи... не терпи всё в одиночку...

Лу Ци обняла дрожащую девушку, и лед в глубине её сердца начал таять. Она поцеловала Чэн Шаошан в макушку и тихо произнесла:

— Хорошо, я обещаю.

Чэн Шаошан ещё немного всхлипывала у неё на груди, а потом внезапно что-то вспомнила и попыталась отстраниться:

— Лекарство... я ведь не закончила...

Лу Ци с улыбкой отпустила её:

— Слушаюсь, мой маленький лекарь.

Чэн Шаошан, краснея, продолжила бережно обрабатывать раны. Когда всё было закончено, её нос покраснел, а глаза опухли, как персики. Лу Ци надела нижнюю рубаху, посмотрела на неё и не удержалась, чтобы не ущипнуть за щеку:

— Еще немного поплачешь, и станешь похожа на маленького котенка.

— Сестрица, ты еще и смеешься! — Чэн Шаошан шмыгнула носом. — Отныне я буду проверять твои раны каждый день, не смей менять повязки тайком!

— Да-да, — Лу Ци подняла руки в знак капитуляции. — Всё будет так, как скажет лекарь.

Чэн Шаошан наконец рассмеялась сквозь слезы, но, увидев на полу разлитый отвар, снова погрустнела:

— Отвар пропал... я сварю еще...

— Не нужно, — Лу Ци удержала её за руку. — Уже поздно, иди отдыхать.

Чэн Шаошан покачала головой:

— Нет, нянюшка Лю говорила, что этот отвар помогает уснуть, а ты...

Она не успела договорить, как Лу Ци подхватила её на руки. Девушка вскрикнула и

инстинктивно обняла Лу Ци за шею:

— Сестрица! Твои раны!

— На то, чтобы поддержать тебя, у меня сил хватит.

Лу Ци уложила её на кушетку в гостиной и укрыла одеялом:

— Спи здесь сегодня, договорились?

Чэн Шаошан моргнула:

— Но это же твоя комната...

— Ты ведь собиралась следить за тем, чтобы я отдыхала? — Лу Ци приподняла бровь. — Как же ты будешь следить, если будешь спать в другом месте?

Уши Чэн Шаошан вспыхнули, она послушно зарылась в одеяло, оставив снаружи только глаза:

— Тогда... тогда ты тоже ложись поскорее...

Лу Ци кивнула, задула свечу, оставив лишь маленький ночник, и вернулась в спальню. Она слышала, как в соседней комнате ворочается Чэн Шаошан.

— Шаошан? — тихо позвала она.

— М-м?

— Спасибо за отвар, — в темноте голос Лу Ци звучал необычайно мягко. — Хотя я его и не выпила, я знаю, что он был бы очень сладким.

В гостиной наступила тишина, а затем послышался сонный шепот Чэн Шаошан:

— В следующий раз... я сварю еще слаще...

Лу Ци слушала, как дыхание девушки становится ровным, и уголки её губ непроизвольно поползли вверх. Раны на спине всё еще ныли, но на душе было спокойнее, чем когда-либо.

Кто-то плачет о тебе, смеется ради тебя, варит для тебя успокаивающий отвар — должно быть,

это и есть ощущение дома.

Лунный свет пробивался сквозь оконную решетку, мягко укрывая обеих. В эту ночь в резиденции генерала царил полный покой.

<http://bllate.org/book/19994/1971414>